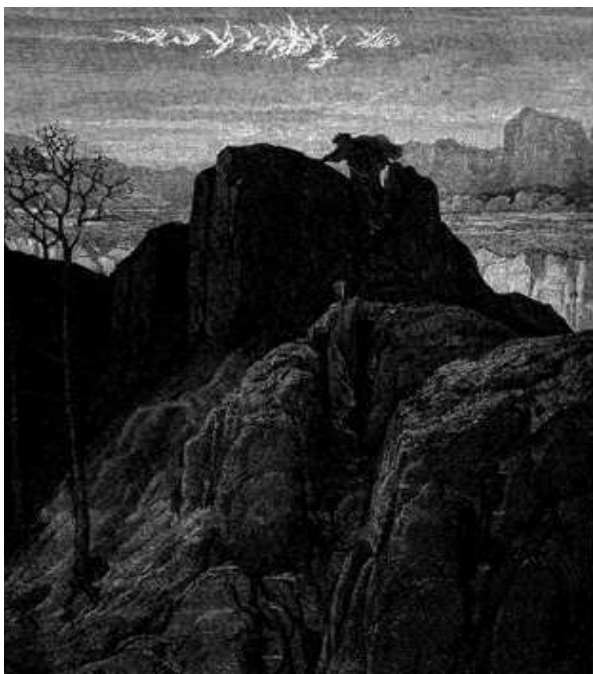

*Моим читателям,
с благодарностью*

*Данте вслед за Вергилием взбирается на гору.
Гравюра Гюстава Доре. 1870 г.*

И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.

*Данте Алигьери
Божественная комедия,
Чистилище. Песнь 1,
стихи 4–6¹*

¹ Перевод М. Лозинского. Данте А. Собр. соч. М.: Правда, 1982. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Пролог

Флоренция, 1290 год

Дрожащая рука поэта выронила записку, и та упала на пол. Некоторое время он сидел неподвижно, подобный статуе. Затем, крепко стиснув зубы, встал и лихорадочно поспешил прочь, задевая попадавшиеся на пути столы, ломая хрупкие предметы и не желая замечать своих домашних.

Был только один человек, которого он хотел сейчас видеть.

Он быстро шел, почти бежал, по городским улицам к реке. Там он встал в конце моста, их моста. Его влажные глаза пристально вглядывались в каждый уголок берега, тщаьсь хотя бы на кратчайший миг увидеть облик своей возлюбленной.

Но ее нигде не было.

Она никогда уже не вернется.

Его возлюбленная Беатриче ушла навсегда.

Глава 1

Профессор Габриэль Эмерсон совершенно голым сидел на кровати и читал флорентийскую газету «Ла национе». В отеле «Гэллери хотел арт» он остановился в роскошном номере-пентхаусе со звучным названием «Палаццо Веккьо». Габриэль проснулся рано и заказал завтрак в номер, однако не смог побороть искушение и вернулся в постель, чтобы полюбоваться на спящую молодую женщину. Она лежала лицом к нему. Ее дыхание было почти бесшумным. В ухе сверкала бриллиантовая сережка. Ее щеки порозовели, поскольку в номере было тепло. Кровать буквально купалась в солнечном свете, льющемся из громадных, от пола до потолка, окон.

Одеяло и простыни были живописно смяты. Они пахли сексом и сандаловым деревом. Синие глаза Габриэля сверкали, неспешно путешествуя по коже спящей и ее длинным темным волосам. Налюбовавшись, он продолжил чтение, но тут женщина слегка шевельнулась и застонала. Обеспокоенный Габриэль сразу же отбросил газету.

Женщина свернулась калачиком, подтянув колени к груди. Ее губы что-то тихо шептали. Габриэль наклонился к ней, чтобы слышать произносимые слова, но ему это не удалось.

И вдруг по телу женщины пробежала судорога, сопровождаемая душераздирающим криком. Ее руки лихорадочно заметались, отбрасывая простыни.

— Джулианна?! — Габриэль нежно коснулся ее обнаженного плеча, но женщина сжалась и отпрянула.

Она принялась повторять его имя, и с каждым разом страх в ее голосе становился все ошутимее.

— Джулия, я здесь, — громко сказал Габриель, снова протягивая к ней руку.

Джулия резко села на постели, глотая ртом воздух.

— Как ты себя чувствуешь? — Габриель подвинулся ближе, борясь с желанием коснуться ее. Она натужно дышала. Габриель продолжал за ней следить. Дрожащей рукой Джулия прикрыла глаза. — Джулия?!

Прошла долгая, мучительная минута, прежде чем она взглянула на Габриеля. Ее глаза были широко распахнуты.

— Что случилось? — хмурясь, спросил Габриель.

Джулия прокашлялась.

— Кошмарный сон.

— Что тебе снилось?

— Мне снилось, что я снова в Селинсгроуве, в лесу за домом твоих родителей.

Габриель нахмурил брови, скрытые стеклами очков в черной оправе.

— И с чего тебе это приснилось?

Джулия молча вздохнула и до подбородка натянула простыню, прикрыв грудь. Широкая белая простыня целиком скрыла ее изящную фигуру и замерла, образовав вокруг Джулии подобие облаков. Габриелю она напомнила греческую статую.

— Джулианна, поговори со мной, — попросил он, нежно проводя пальцами по ее коже.

Она изогнулась, пытаясь отодвинуться, но пронзительно-синие глаза не отпускали ее.

— Сон так чудесно начался. Мы с тобой под звездами занимались любовью, а потом я заснула в твоих объятиях. А когда проснулась, тебя рядом не было.

— Значит, тебе снилось, что я занимался с тобой любовью и потом покинул тебя? — спросил он, холодностью интонации маскируя свое замешательство.

— Однажды я проснулась в яблоневом саду... без тебя, — с легким упреком напомнила она.

Пламя, бушевавшее у Габриеля в животе, мгновенно погасло. Он вспомнил события шестилетней давности: волшебный вечер, когда они впервые встретились. Тогда они просто разговаривали и обнимались. Наутро он проснулся и отошел, оставив девочку-подростка одну. Конечно же, ее тревога была вполне понятной, если не сказать достойной сожаления.

Один за другим он стал разгибать ее сжатые пальцы, безостановочно покрывая их поцелуями.

— Я люблю тебя, Беатриче. Я тебя не покину. Ты ведь это знаешь, правда?

— Мне было бы несравненно тяжелее снова тебя потерять.

Наморщив лоб, Габриель обнял Джулию за плечо, прижав ее щеку к своей груди. Мириады воспоминаний хлынули в его мозг, когда он подумал о том, что произошло между ними вчерашней ночью. Он впервые беспрепятственно смотрел на ее нагое тело и посвящал ее в тонкости любовного слияния. Джулия поделилась с ним своей невинностью, и Габриелю думалось, что он сделал ее счастливой. Несомненно, то была одна из лучших ночей в его жизни. Подумав об этом еще немного, он спросил:

— Ты сожалеешь о минувшей ночи?

— Нет. Я рада, что моим первым мужчиной стал ты. Я тебя хотела с того самого вечера.

Габриель коснулся ее щеки, ощущая под большим пальцем ее кожу.

— Я польщен тем, что стал твоим первым мужчиной. — Он наклонился и взглянул на нее застывшими глазами — Но я хочу быть и твоим последним мужчиной.

Джулия улыбнулась и потянулась к нему губами, но обнять ее Габриелю помешал рингтон мобильного телефона. Спальня наполнилась звоном Биг-Бена.

— На звонок не отвечаю, — раздраженно прошептал Габриель. Он коснулся спины Джулии и нежным толчком заставил ее лечь.

Ее глаза скользнули поверх его плеча, на стол, где лежал айфон.

— А я думала, она больше не будет тебе звонить, — сказала Джулия.

— Я же не отвечаю на звонок, и потому он не имеет значения. — Габриель встал на колени между ее ног и приподнял простыню, обнажая ее тело. — В моей постели есть только ты и я.

Их тела начали сближаться. Джулия следила за его глазами.

Габриель наклонился, чтобы ее поцеловать, но она отвернулась.

— Я еще зубы не почистила.

— Мне все равно. — Габриель нагнулся к ее шее и стал целовать вздрагивающую жилку. Пульс Джулии учащался.

— И все-таки я хотела бы сначала почистить зубы.

Габриель оперся на локоть и запыхтел от досады:

— Не позволяй Полине разрушить то, что у нас есть.

— Не позволю, — произнесла Джулия.

Она попыталась выбраться из-под него, забрав с собою и простыню, однако Габриель схватился за край. Он смотрел на Джулию поверх очков, и его глаза озорно сверкали.

— Оставь простыню. Я поправлю постель, — сказал он.

Глаза Джулии бегали между белой тканью, зажатой у нее между пальцами, и лицом Габриеля. Он напоминал пантеру, приготовившуюся к прыжку. Затем взгляд Джулии переместился на пол, где виселась груда одежды. Туда ей было не добраться.

— В чем проблема? — поинтересовался Габриель, пряча улыбку.

Джулия покраснела и еще крепче ухватилась за простыню. Усмехнувшись, Габриель отпустил свой край и заключил ее в объятия.

— Тебе нечего стыдиться. Ты прекрасна. Будь моя воля, ты вообще ходила бы без одежды.

Он прижался губами к ее ушной раковине, осторожно потрогав маленькую бриллиантовую сережку. Габриель не сомневался: его приемная мать Грейс была бы счастлива, что ее серьги перешли к Джулии. Наградив Джулию еще одним недолгим поцелуем, Габриель перевернулся и сел на край кровати.

Джулия поспешила в ванную, но Габриель все же сумел заметить ее соблазнительные ягодицы, когда она, войдя внутрь, сбросила простыню.